

Возмездие за несправедливую жизнь может настичь человека и даже целый народ еще до смерти, все совершается по «божьей воле». Так объясняет уже «Слово о казнях» в Повести временных лет под 1068 г. поражение русских в войне с половцами: «Наводит бо бог по гневу своему иноплемьники на землю... Земли же согрешивши которой любо, казнить бог смертью, ли гладом, ли наведением поганных, ли ведром, ли гусеницею, ли иными казнями...». Измарагд эту тему излагает в «Слове Иоанна Златоустаго о казнях божиих и о ратех», помещая под таким заглавием первое «слово» Серапиона Владимирского, сложенное им под впечатлением опустошения Русской земли нашествием татаро-монголов.

Однако жизнь в условиях классового общества часто давала примеры того, как «неправдивы и злобивы» человек «здравы и обилен» живет, а «в правде живущи» терпит «беды и скорби». «Слово его же любит господь, того и наказует», добавленное во вторую редакцию Измарагда (ч. 2, л. 21), отвечает тем, кто может усомниться в справедливости и милосердии божием, наблюдая подобные случаи. Той же теме посвящены «Слово Иоанна Златоустаго о творящих зла много, а не приемлющих zde бед» (ч. 2, л. 26) и «Поучение Ивана Златоустаго о впадающих в беды и печали» (ч. 1, л. 5). Высшую справедливость такого, казалось бы, незаслуженного распределения в мире благ и несчастий эти «слова» доказывают следующими доводами. Богатый «злойный» или даже делающий «мало добра» иногда уже здесь, на земле, вознаграждается богом счастливой жизнью за крохи добра, которые он уделяет ближним, зато после смерти он обрекается на вечные мучения. Тот же, кто здесь несчастлив, по воле божьей уже на земле расплачивается своими несчастьями за немногие совершенные им грехи, а потому в посмертной жизни он получит только награду, т. е. царство небесное. Для пресечения протеста против социального зла, несправедливости такая точка зрения была очень удобна. Она не только побуждала людей не искать выхода из своего бедственного положения, но даже учила их радоваться этим бедствиям в надежде на щедрое вознаграждение за них в будущей вечной жизни: «Любимии, не стужайте си в беде или в болезни, — сия бо скорбь на бесконечную радость, ону приведет ны» («Поучение Ивана Златоустаго о впадающих в беды и печали» — ч. 1, л. 5 об.).

Терпение в страданиях, которые посылаются богом, — необходимая добродетель истинного христианина. Отсюда Измарагд делает и практический вывод: нельзя лечить болезни («Слово святого Иоанна Златоустаго о лечащих болезни и волховании и наузы» — ч. 2, лл. 16 об. — 17 об.). «Болезни тяжкие от геенных мук ослабу нам творят», и, чтобы заслужить «мучения венец», надо терпеть болезнь, а не пытаться облегчить ее. Правда, Измарагд запрещает пользоваться услугами «чародеев и волхвов», но рядом с ними он ставит и «зелейников» — народных врачей, лечивших травами. Воспитанное на таком отношении к врачеванию болезни, средневековое сознание долго не принимало и врачей, применявших лечение, построенное на научных выводах. В лечении болезни человеческими силами продолжали видеть грех, попытку вмешаться в божественную волю.

В течение всего средневековья вопрос о справедливости бога, наделяющего людей той или иной судьбой, продолжал интересовать читателей, и литература решала его именно в таком направлении. Еще в XVII в. в переводном сборнике «Римские деяния» они нашли «Приклад о великой справедливости божьей, яко судьбы его неисповедимы и скрыты суть».¹⁹

¹⁹ Римские деяния. Выпуск второй и последний. СПб., 1878, стр. 203—210.